

Мария и Артем Немовы, адвокаты / Фото: Наталия Буданцева для ОВД-Инфо

28.10.2021, 17:02 Москва

ИНТЕРВЬЮ

«Многих задержанных мы отбили»: адвокаты Немовы о работе в ОВД-Инфо

Мария и Артем Немовы — супружеская пара адвокатов, занимающаяся административными и уголовными делами ОВД-Инфо. Артем еще недавно работал в прокуратуре, Мария же начала свою адвокатскую деятельность с защиты пострадавших от домашнего насилия. В интервью Мария рассказала, чем дела о задержаниях на митингах отличаются от расследования насилия в семье, а Артем — о том, почему люди уходят из прокуратуры.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

— Какие дела по домашнему насилию вы ведете?

Мария: Административные, уголовные, внутрисемейные [споры] — например, по лишению родительских прав. Дела в основном связаны с насилием, а насилие бывает разное, наказывается по-разному: иногда по КоАПу, иногда по УК. Еще готовим жалобы в Европейский суд по домашнему насилию.

— Похожи ли чем-то тематика ОВД-Инфо и проблема домашнего насилия?

Мария: Небо и земля. В случаях домашнего насилия мы пытаемся добиться, чтобы полиция хоть что-то сделала. В ОВД-Инфо мы пытаемся добиться...

Артем: Чтобы полиция ерундой не занималась.

Мария: Бывает много курьезных ситуаций. Какой-то мужчина ходил голым во дворе. Мне доверительница рассказывала, что все не могла добиться приезда полиции: пока не сказала, что он агитирует за Навального. В случаях домашнего насилия можно пытаться вызвать полицию бесконечное количество раз. В делах ОВД-Инфо полиция проявляет чрезмерную активность, хотя ничего опасного не происходит. Люди реализуют свое право на свободу собраний, свободу выражения мнений.

— Почему полиции не интересны дела о домашнем насилии?

Мария: Часто полицейские говорят: «Что вы со своей „бытовухой“, у нас есть дела посерьезнее». Но проблема не только в полиции, но и в целом в отношении общества к этой проблематике как к чему-то несерьезному, не заслуживающему внимания.

— Часто в новостях мелькает сюжет: муж убил жену, а позже выяснилось, что жена много раз звонила участковому. Участковый не отреагировал, и теперь на него заводят дело. Сами полицейские не просчитывают такой сценарий?

Мария: Почему-то не просчитывают, хотя мы им об этом напоминаем. Ситуации домашнего насилия непредсказуемы. Мы не знаем, сколько будет эпизодов — пять или двадцать пять — и чем это кончится. А отношение [полиции] такое: «Он же вас пять раз побил, и все нормально?» А может оказаться, что на шестой или двадцать шестой раз все будет совсем не нормально. Нельзя считать никакие побои нормальными.

— Как работает законодательство о декриминализации домашнего насилия?

Мария: Несколько лет назад побои [в семье] перевели в административные правонарушения. Предполагалось, что так проще будет привлекать [совершивших насилие] к ответственности. По факту, привлечь стало сложнее. И уголовная ответственность — сдерживающий фактор, тогда как к административкам относятся несерьезно. Как к штрафу за превышение скорости.

Мария Немова / Фото: Наталия Буданцева для ОВД-Инфо

— Вы с мужем занимаетесь совсем одинаковыми темами или есть различия в сфере деятельности?

Артем: Различия есть: Мария пораньше адвокатом стала, в 2018 году, а я только в 2020-м. У нас большой спектр дел и за рамками правозащиты. Я когда из органов уходил, у меня больше была направленность на уголовную тематику.

— Вы работали в прокуратуре, но недолго?

Артем: Два года и девять месяцев, с 2017-го по май 2020-го.

— Почему пришли в прокуратуру и быстро ушли? Вы планировали оставаться дольше и передумали?

Артем: Сложно сказать, когда я что планировал. Я еще школьником выбрал этот путь, учился по целевому направлению. Не знаю, когда произошло переосмысление: за время института что-то поменялось, за время работы тоже. Почему ушел — я не буду громко говорить, что разочаровался в системе. Там тоже разные люди, по-разному относятся к своей работе и к другим людям: в том

числе тем, кто на другой стороне. Конечно, приходится отвечать за решения, которые ты не принимаешь. Все плохо с условиями труда и вознаграждением за труд.

— Плохо с вознаграждением за труд?

Артем: Работа тяжелая, неблагодарная, зарплата небольшая. Перспектив особых не было. Не могу сказать, что меня к чему-то принуждали, но сама атмосфера приводила к несогласию с некоторыми решениями.

— Какие ситуации вызывали у вас внутреннее несогласие?

Артем: Все-таки в большинстве случаев свое мнение я отстаивал, к нему как-то прислушивались. Нельзя сказать, что за время работы в органах я принял какие-то решения, за которые теперь стыдно.

— Чем можно объяснить, что в политических делах сотрудники прокуратуры совершают часто довольно странные вещи: приписывают людям то, что они не совершали, обвиняют людей в том, что не представляет общественной опасности?

Артем: Как гособвинитель я не сталкивался с политическими делами. Очевидно, политические дела находятся на гораздо большем контроле, чем общеуголовные. Думаю, по многим ситуациям вышестоящее начальство дает указания. И есть в целом проблема системы: государственный обвинитель уже связан какой-то позицией. Поступающее в суд уголовное дело утверждено прокурором, который, в подавляющем большинстве случаев, является вышестоящим по отношению к гособвинителю. За редкими исключениями: когда это один и тот же человек. Если у тебя есть сомнения по доказанности, по правовой квалификации, ты все равно связан этой позицией. Иначе

надо писать рапорты, согласовывать свою позицию с теми, кто принимал эти решения.

— Прокурору поступает дело, у него нет реальной возможности высказать возражения, если они есть?

Артем: Если начальник нормальный, всегда можно доложить и к тебе прислушаются. Но итоговое решение все равно принимает не тот человек, который ходит в процесс.

— Получается, по политическим делам не находится прокуроров, которые бы возражали?

Артем: Сложно сказать. Как прокурор я никогда не поддерживал обвинение по политическим делам.

— Но в суды поступает и много странных неполитических дел.

Артем: В моей практике были ситуации, что я докладывал начальству: это не доказано, это было не так, это как-то по-другому. Было, что я отказывался частично от обвинения, от недоказанных эпизодов и обстоятельств. Полностью — ни разу. Уровень следствия постоянно падает — это можно было видеть [даже] за непродолжительный период, который я работал в прокуратуре. Видимо, это связано с постоянно ухудшающимися условиями труда. Это вымывает умные и адекватные кадры. Но всегда есть исключения: не хочу обижать никого конкретно. Тенденция такова: молодежь приходит, ее нужно кому-то учить. По Москве в районных отделах опытные люди следователями не работают вообще. Со стажем два-три года следователь уже считается опытным. По тому, что я видел, есть проблема и в образовании. Следователей не учат криминалистике, не учат собирать доказательства, их учат работать по шаблонам. Иногда видно: приходит дело, и вот надо сделать очевидные, но не совсем стандартные шаги,

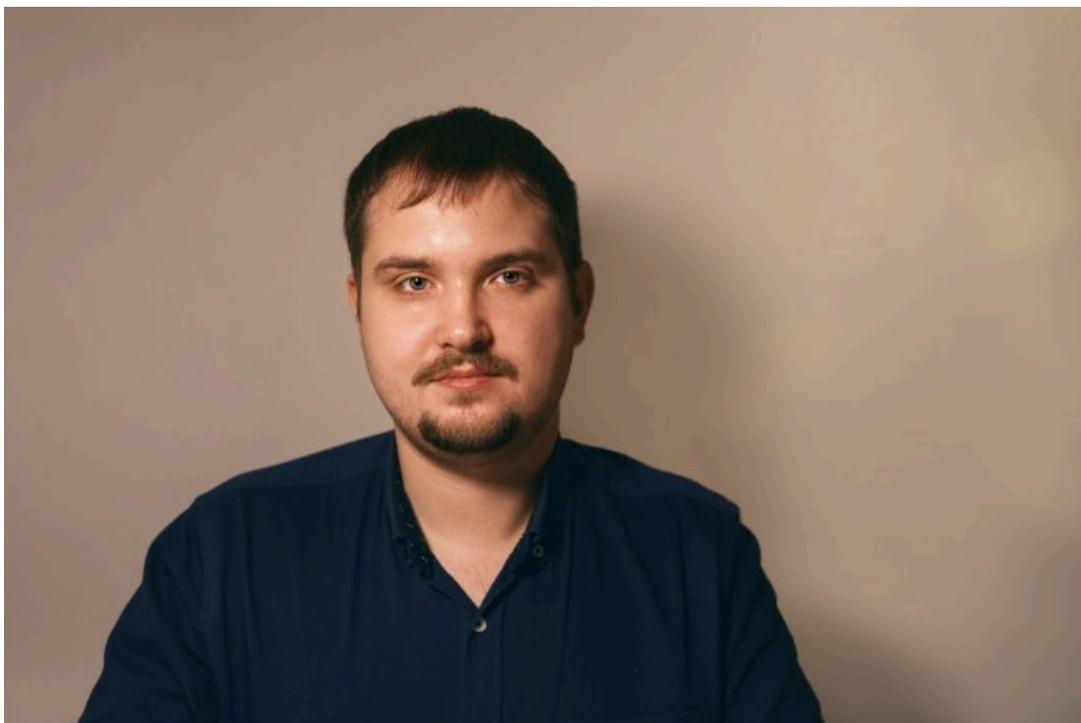
которые помогли бы разобраться в произошедшем, а они не сделаны.

— Я слышал рассказы про московскую полицию: что там очень плохие условия труда, все оттуда бегут. На СК и прокуратуру это тоже распространяется? Это не внутренняя проблема МВД?

Артем: Да, проблема в условиях труда. Реакция цепная: один следователь ушел — на всех увеличивается нагрузка — [другие] еще больше хотят уйти. Ушел кто-то еще — ситуация еще ухудшилась. В Москве в органах много вакантных ставок. В районе, где я работал некоторое время, в СК было два следователя. По штату должно было быть человек семь.

— В прокуратуре тоже дефицит кадров?

Артем: По-разному бывает. У нас по штатному расписанию должно было быть пять помощников прокурора [поддерживающих обвинение], а было три. Проблемы во всей правоохранительной системе общие. С моей точки зрения, из-за общего подхода к организации труда. Думаю, это же распространяется и на суд. Требуют все больше на самом деле ненужных отчетов и аналитики... Насколько я знаю, самое большое управление в московской прокуратуре — управление правовой статистики. Не надзор за соблюдением законодательства, за соблюдением прав и свобод человека, не надзор за следствием и поддержанием государственных обвинений.

Артём Немов / Фото: Наталия Буданцева для ОВД-Инфо

— Какие впечатления от работы в ОВД-Инфо?

Артём: Работа своеобразная, положительных моментов не так уж и мало. Изначально мне казалось, что в таких делах вообще ничего не возможно добиться, что большая часть работы ориентирована на ЕСПЧ и другие действия, когда в России уже ничего не поможет. Но после задержаний 21 апреля [после акции в поддержку Алексея Навального] многих задержанных с Марией мы отбили: кого-то в полиции, кого-то в суде. У меня в суде два прекращенных [дела] за отсутствием состава [правонарушения], сколько-то [еще] полиция не направила за недоказанностью.

Мария: Была история, когда на камеру [в ходе акции протеста] попала одна из сестер-близнецов, полиция пыталась определить, какая это из двух.

Артём: Было такое дело. Я защищал одну сестру, Маша — другую, в суд ни одно дело не направили.

Мария: [Дела ОВД-Инфо] страшно интересны в плане общения с подзащитными — очень разносторонние люди.

Опыт общения с полицией довольно специфический, особенно на больших акциях. Он отличается от того, что бывает в бытовых делах. Приключения в отделах, как выловить подзащитных в судах — многого стоят. Например, когда подзащитных пугают, что с юристами от ОВД-Инфо дают большие [сроки и]. То грустно, то весело, то радостно. Главное — не унывать, когда видишь, что один за одним идут штрафы и аресты. История не такая грустная, правды можно добиться: есть возможность обратиться в ЕСПЧ. И в российских судах: казалось бы, все время говоришь одно и то же, но в какой-то момент тебя слышат. Когда услышат — непредсказуемо.

Артем: Административки с митингов — плюс-минус похожие обстоятельства. Иногда удивляешься, насколько разные решения выносятся в похожих ситуациях. От судов зависит — по зимним акциям [в поддержку Алексея Навального] где-то всем отгружали по 10 суток, в других [судах] давали штрафы.

Мария: В полиции тоже. Люди сделали абсолютно одинаковые действия: в одних случаях вменяют арестную статью, в других такую, где только штраф. Мы стараемся на это влиять, но получается не всегда.

— Как полицейские реагируют, что к ним пришел адвокат по политическому делу?

Мария: Когда массовые задержания, стараются не пускать всеми возможными средствами: коронавирус, план «Крепость» и еще 100 500 поводов.

— Они так делают, потому что боятся, что вы будете затягивать оформление?

Мария: Я бы не сказала, что мы затягиваем.

Артем: В каких-то случаях на массовых задержаниях мы наоборот помогаем быстрее разобраться

с оформлением. Задержанный вместе с профессионалом, которому доверяет, документы заполняет быстрее, чем сам. [Не пускать адвокатов] — распоряжение руководства, сложно понять какого уровня.

— Ваши советы: кому из адвокатов стоит сотрудничать с ОВД-Инфо?

Мария: Такая работа подойдет тем, кто не боится спорить с правоохранительными органами, работать не по шаблону. Мы стремимся все-таки к европейским стандартам. У некоторых коллег вызывает ступор, зачем это нужно.

Артем: Мне кажется, любой адвокат может сотрудничать с ОВД-Инфо. Почему бы нет? Что должно пугать? Мне кажется, ни одного профессионала не может отталкивать правозащитная деятельность, необычные обвиняемые, жесткие действия правоохранительных органов.

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

Ещё почитать

24.02.2026 **Москва**

Политик из Удмуртии, осужденный из-за высказываний о войне и Путине, больше месяца держит голодовку

23.04.2025 Москва

Силовики проводят обыски у московских экс-мундепов по делу о «нежелательной организации»